

*«Doing gender» на русском поле:
круглый стол*

Когда задумывалась конференция «Гендер по-русски: преграды и пределы» ее организаторы хотели, чтобы большая часть времени была посвящена дискуссии. Но «хотели как лучше, а получилось, как всегда», и нам не вполне удалось преодолеть «докладно-монологическую» традицию. Поэтому мы попросили участников конференции (и не только их) коротко высказать свое мнение по вопросам, которые были в центре обсуждения:

- 1) о соотношении феминистских и гендерных исследований в России;
- 2) о возможностях и границах применения западных методологий в русском контексте;
- 3) о достижениях и «вызовах» гендерных исследований в России;
- 4) о том, должны ли гендерные исследования стать «академичными»? «элитарными»? «доступными всем»? Нужно ли вести «массовую пропаганду» ГИС?

Не все участники смогли прислать ответы, не все захотели ответить на каждый из поставленных вопросов, но в результате, на наш взгляд, получилось весьма репрезентативное обсуждение, которое довольно адекватно отражает состояние дел с гендерными исследованиями в России и на *постсоветском пространстве*. Последние два слова выделены не случайно. Семинар назывался «Гендер по-русски», в названии данной рубрики появилось «*русское поле*», в формулировке вопросов речь идет о *России*. Директор Минского центра гендерных исследований Елена Гапова, начиная свои размышления о соотношении феминистских и гендерных исследований в России, замечает:

«Проблемой в этом вопросе для меня является не соотношение феминистских и гендерных исследований, а слово "Россия". Этот опрос будет опублико-

ваться в журнале, который издает Харьковский ЦГИ, один из "главных" на постсоветском пространстве - деятельность его хорошо известна. В Минске ЦГИ Европейского гуманитарного университета, где есть магистратура, в которой учатся люди со всего СНГ, и еще кое-какие видимые проекты. Два главных списка гендерной рассылки - один "харьковский", другой Центральноазиатский. Ирина Новикова, специалист в области феминистского литературоведения и активный автор русскоязычных изданий, живет в Латвии. А мы все Россию обсуждаем?»

Замечание вполне уместное и очевидное. Точнее и справедливее вести речь о гендере на «постсоветских полях». Хотя, с другой стороны, и механическое объединение России и постсоветского пространства, тоже, наверное, не совсем корректно. «Стартуя» с одной линии, имея очень много общего вначале, ГИС на постсоветском пространстве с течением времени, как кажется, все же расходятся; общее прошлое и изначальное сходство становятся фоном для выявления различий. Поэтому отдельно, в завершении нашей дискуссии мы публикуем суждение Светланы Шакировой (руководитель Центра гендерных исследований, Алматы) а также взгляд на «наши» проблемы «с другого берега»: мнение участницы семинара из университета г. Лунд (Швеция) Карин Сарсенов (assistant professor, Lund University, Sweden).

В дискуссии принимают участие: Н. Блохина (доцент каф. философии, руковод. Лаборатории гендерной теории Рязанского госпедуниверситета им. Есенина); Г. Брандт (докт. филос. наук, профессор гуманитарного университета, Екатеринбург); А. Вальке (Research assistant of Department of Political Science, Oldenburg; Germany); Е. Гапова (директор Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета, Минск); С. Коваленко (канд. ист. наук, доцент каф. философии Владивостокского госуниверситета экономики и сервиса); М. Литовская (докт. филол. наук, профессор кафедры литературы Уральского госуниверситета, Екатеринбург); М. Муравьева (доцент кафедры всеобщей истории Российского педагогического госуниверситета им. Герцена, Санкт-Петербург); Л. Рыгина (аспирантка кафедры антропологии и социальной работы Саратовского гос. технического университета); О. Рябов (докт. филос. наук, профессор кафедры философии Ивановского госуниверситета); Н. Соколюк (доцент каф. философии Владивостокского госуниверситета экономики и сервиса); С. Ушакин (канд. полит. наук, докторант Колумбийского университета, США); О. Шабурова (канд. философ. наук, доцент кафедры философии Уральского госуниверситета, Екатеринбург).

1) "Мы говорим ГИС, подразумеваем...?"
(о соотношении гендерных и феминистских исследований)

Е. Гапова: Для меня существует такое деление: на традиционные исследования, в которых предметом является женщина и на гендерные, исходящие из другой теории и методологии. Мы не можем сказать, что до появления ГИ женщин вообще не изучали. Были "женские образы у Толстого" и т.д. - то, что польско-американская исследовательница Халина Филиппович называет "методологией «женских образов»". Вот пример. Года два назад вышла книга Ивановой "Храбрейшие из прекрасных. Российские женщины в войнах" (кажется так). Там собран большой фактический материал, но вообще книжка империалистическая (все войны, что вела Россия - это "за Русь святую") и патриархатная (женщины - верные подруги мужчин на войне). И помимо этого - малограмотная в отношении того, как автор представляет формирование гендерного неравенства. В качестве объяснения она цитирует Немировича-Данченко о том, что жернова истории перемололи сильный, гордый нрав славянской женщины. Но - формально - отнесена по разделу ГИ. Это один пример только, и когда к нам приходят магистранты, которые только начинают заниматься ГИ, они ведь "прошли" через весь этот ворох, и первое время трудно объяснить, почему "книжки такого-то центра пока не читайте. Читайте вот это и это." Потом уже, когда научиваются, сами все видят. Так вот, есть традиционные исследования женского (иногда очень добротные) и есть гендерные. Как получается такое разделение - это отдельный вопрос, связанный с организацией "академии", доступом к знанию (кто его получает и как) и в целом властью.

Г. Брандт: На мой взгляд, гендерные исследования, отмеченные феминистским вызовом, составляют не более пятой части всего того, что называется в России гендерными исследованиями. Эта картина, по-моему, чрезвычайно запутывает ситуацию ГИС в России. Ведь ГИС призваны, в частности, а, может быть, и главным образом, решить одну из самых болезненных проблем бытия современного человека - проблему половой идентичности. Поэтому было бы важно разделить два принципиальных подхода к проблеме: с одной стороны, традиционный подход, "эссенциалистский", рассматривающий пол как данность и непреложность (природную, Божественную), и с другой, гендерный, который напитан феминистским видением пола как продукта властных отношений. В свете сложившейся ситуации в России, я предлагаю понятие гендер рассматривать не как онтологическую категорию - все мы занимаемся проблемами пола: философскими, социологическими, историческими и т. п., здесь понятие "гендер" только запутывает ситуацию. (Платон и Аристотель, когда

"спорили" о том, может ли женщина быть воином или только вместе с рабом помощником мужчины, тоже рассматривали не биологические функции пола, а социальные). Гендер - категория методологическая, это подход, базирующийся на мировоззренческой позиции, согласно которой пол - есть продукт власти. И потому главное назначение этой категории - *вскрыть технологию воспроизводства властных отношений в сфере пола*. Словом, гендер - не субстанциональная данность, а важный *методологический ключ*, позволяющий открывать новые перспективы видения не только бытия человека, но и любого явления общества и культуры.

М. Муравьева: Хотя гендерные исследования обязаны своим появлением на свет феминизму и женским исследованиям, все же по сути своей они представляют собой другое направление исследований. Я присоединяюсь к той точке зрения (феминистской в основе своей), что включение женских исследований в гендерные сильно повредили женскому движению и изучению женщин, так как использование более нейтральной терминологии способствовало притоку "несознательных" исследователей, искавших "полезную категорию для научной карьеры". Переименование многих программ из женских исследований в гендерные исследования не выполнило своей задачи, хотя и создало стойкую ассоциацию типа "гендер - это про женщин" (что, в целом, соответствует действительности). Я бы сказала, что само наименование «гендер» - это своего рода политкорректная уступка феминизма академической среде, которую я не поддерживаю, ибо она позволяет гендерным исследованиям не быть феминистскими. Это совершенно очевидно на примере нашей страны. Гендерологи (гендеристы?) часто отмежевываются от феминистской методологии, говоря о том, что "это не только про женщин", "не обязательно быть феминисткой (том) и заниматься гендером" (сама по себе фраза интересная, сравнимая с заниматься спортом/сексом), в результате такие важные проблемы женского движения и женских исследований, как, например, трафик, сексуальное насилие и т.д., не являются предметом изучения гендерных исследований. Боязнь феминизма преследует российских исследовательниц, в первую очередь, что помещает их в созданную этим противоречием ловушку: гендерные исследования совершенно не востребованы, так как не несут никакой практической нагрузки, не финансируются, потому что трудно доказать их значимость и необходимость.

Н. Блохина: Стойкое убеждение многих противников гендерных исследований в том, что под гендерными исследованиями скрывается теория феминизма, имеет под собой в России веские основания. Главных причин такого положения вещей две, и они лежат в условиях распространения феминистских и гендерных исследований в России. Во-первых, это совпадение во времени

распространения и начала гендерных и феминистских исследований в нашей стране, что произошло, как известно, в начале 90-х. Если в западных университетах можно проследить этапность этих исследований, объективную закономерность смены феминистских исследований гендерными, то в России феминистские и гендерные исследования возникают и начинают развиваться фактически одновременно. Во-вторых, название "гендерные исследования" должно было помочь ведению феминистских исследований, ввиду неприятия обычным сознанием термина "феминизм", что тоже вело к смешению двух видов исследований. Таким образом, у нас пока не сложилось чёткого размежевания этих двух областей знания. На нынешнем этапе перед российским академическим сообществом стоит задача - развести гендерные и феминистские исследования - по предмету, целям и методам исследования. Особо я бы отметила разницу в методике преподавания теории феминизма и гендерных исследований, поскольку студенческая аудитория курса по гендеру имеет отличные установки от аудитории, записавшейся на курс по теории феминизма.

Олег Рябов: Феминизм обладает достоинствами и недостатками любой другой идеологии. Он выполняет роль методологии, создает некое общее информационное поле, что особенно важно, принимая во внимание такую черту ГИ, как междисциплинарность. Вместе с тем, приоритет идеологии порождает проблемы, знакомые многим по советским временам - например, в плане задач и восприятия исследовательского текста. При всем уважении к всевозможным пост- и не-классическим изыскам в эпистемологии, считаю старое доброе "истинно - ложно" наименее проблематичным критерием оценки текста - если, разумеется, рассматривать ГИ как академическое, исследовательское сообщество. Чрезмерная же идеологизация выводит ГИ за эти рамки, наделяя их чертами политического движения или "тусовки", кружка по интересам; в этом случае критерием вполне может стать "полезно - вредно", "наш - не наш". Тогда неизбежно возникает немало вопросов ("Кто и на каком основании уполномочен выставлять подобные «оценки за поведение»"?; "Какой из феминизмов - которых много - является каноническим?" и т.д.).

Не хочу сказать, что равнодушен к проблемам гендерного неравенства, но как исследователя меня этот вопрос интересует не в первую очередь (в том числе и потому, что об этом пишут многие другие). Гендерные идентичности, границы и иерархии мне интересны как механизм, позволяющий продуцировать иные идентичности, границы и иерархии (например, тот же феномен национализма в полной мере объяснен без ГИ быть не может). Должен ли я в каждом тексте упоминать о том, что гендер есть система власти мужчины над женщиной? может ли без такого упоминания текст претендовать на принадлежность к ГИ?

Еще один момент (для кого-то, безусловно, частный). Идеологизация академического дискурса маргинализирует тексты мужчин-исследователей. Им остается либо быть святее папы римского и публично каяться в каждодневном угнетении женщин, либо хранить гордое молчание по всем проблемным вопросам. Это при том, что и критика заблуждений "сестризма", и положение о гетерогенности маскулинности и феминности стали практически общим местом в современных ГИ. Несовершенство текстов женских авторов может объясняться как угодно, но мужских - часто объясняется тем, что авторы заинтересованы в сохранении патриархата. Вам это ничего не напоминает? Нужен такой сексизм российским ГИ?

Резюме: без феминизма (как проблематизации отношений между полами и внутри полов) ГИ лишаются смысла, однако хотелось бы, чтобы они понимались как **исследования** в первую очередь, и лишь во вторую - как **гендерные**. Исследователь же должен "объяснить" мир; "изменение" мира - забота других структур.

С. Ушакин: Соотношение между феминистскими и гендерными исследованиями, мне кажется, существует. И соотношение это не всегда продуктивное. Непродуктивность его, однако, не оттого, что "генисследования" (далее - ГенИс) оказались под "излишним" политизированным влиянием феминизма. На мой взгляд, ситуация обратная - историческая специфика ГенИс в России связана с тем, что при переводе на русский язык это направление интеллектуальной мысли свой социальный потенциал во многом утратило. И превратилось в разновидность филологической или, допустим, кинематографической критики. В разновидность исторического эссеизма. Сами по себе такие жанры аналитики, разумеется, ни плохи, ни хороши. Вопрос в том, что социальное воздействие подобных ГенИс упорно стремится к нулю. Отсутствие критического "запала" закономерно ставит под сомнение и целесообразность подобного проекта в целом - стоит ли городить огород, финансировать школы, переводы и т.п. вещи, если все в очередной раз сведется к исследованиям рекламы или - в лучшем случае - "образов провинциалок" в малоизвестных произведениях 19 века? Иными словами: феминизм традиционно являлся своеобразной вне-академической формой легитимизации "гендерных исследований"; российские ГенИс подобной легитимизации стараются избегать, прежде всего - путем (риторической) институционализации ГенИс в виде "нормальной", "традиционной", "академической" дисциплины. Самоубийственной, я бы сказал, институционализации. И вряд ли можно воспринимать серьезно ссылки на то, что феминизм - как и любая другая идеология - способен "подорвать" объективный характер ГенИс. Почему-то никому в голову не приходит использовать тот же самый тезис, допустим, в отношении современной экономики, плотно окруженной идеологическим контекстом неолиберализма. Или в отношении конституционного

права, во многом апеллирующего к идеологии прав человека. Общественные науки вне идеологического контекста вряд ли имеют смысл. Что, разумеется, не означает, что этим идеологическим контекстом весь смысл обществоведения и ограничивается.

2) "Заграница нам поможет?" (о возможностях и границах применения западных методологий в русском контексте)

Н. Блохина: Если гендерные исследования носят научный (читай: универсальный) характер, то не может быть "западной методологии" и "русской методологии". И тогда не может быть никаких сомнений в возможности использования западной методологии ГИ в российском контексте. Вопрос только в искусстве применения этой методологии, в использовании её инструментария "к месту", а также в "мере" (т.е. с учётом специфики российского материала). Заимствование западных методологических технологий не исключает разработки оригинальных отечественных "ноу хау", способных глубже проанализировать современные российские реалии. Могу предположить, что термин "пол" в скором времени будет использоваться отечественными гендеристками наряду с термином "гендер" и даже вместо него после тщательного исторического, культурологического и философского анализа этого понятия, когда станет общепринятым понимание того, что категория "пол" имеет не столько природное, сколько социальное и культурное содержание. Кроме того, памятуя, что даже на Западе, в том числе в документах ООН, под гендерными проблемами чаще всего имеют в виду проблемы женщин, возможно, более корректным будет использование русских слов, в частности, понятия "пол", а также таких понятий как "философия пола" и/или "теория пола/взаимодействия полов".

Е. Гапова: В Центральной Азии еще иногда говорят про "восточный гендер", к которому якобы вообще ничего не подходит... Патриархат (как подчинение женщин, социальное и символическое) существует везде - и на Западе, и у нас. Но он социально структурирован и исторически изменчив. "Они" исследуют - исходя из общей идеи гендера как основной линии социального разделения, которое первоначально в любом обществе, - как конкретно он воплощается у них, а мы - какие принимает формы у нас. Поэтому я не понимаю, что в данном случае означает "граница". Научное исследование предполагает быть разумной деятельностью. Мы же не переводим одно и то же слово всегда одинаково. Мы смотрим на контекст его употребления. Так и с социальными теориями.

О. Рябов: Разумеется, сами ГИ неотделимы от западной интеллектуальной традиции. Вместе с тем, бояться «западных методологий» не следует; российская культура вполне способна «переварить» ГИ. Во-первых, методологическая порочность «западноцентризма» стала предметом рефлексии в самом западном знании, и учет нами этой критики был бы чрезвычайно полезен (при том, разумеется, что и саму критику можно расценивать как еще более изощренное изобретение культурного империализма Запада.). Во-вторых, есть много общих проблем; зачем же тратить силы на «изобретение велосипеда»? Знание интеллектуального контекста многих дискуссий, ресурсы, издательская и библиотечная система, все эти черты западного опыта делают его изучение совершенно необходимым. Я бы сказал, российские ГИ сейчас страдают не столько от некритического переноса "западных схем" на отечественный материал, сколько от недостаточного знакомства с этими схемами. Отдавая отчет в субъективности такого рода суждений, хочу тем не менее заметить, что, на мой взгляд, ГИ упустили много хорошего в "западном" опыте. Тот круг текстов, который переводится и издаётся на постсоветском пространстве, не отражает адекватно современных тенденций развития ГИ в мире, во-первых, и игнорируя к тому же идеи, более нужные для России и в академическом, и в социальном планах, во-вторых (почему это происходит - отдельный вопрос).

Г. Брандт: Какой же может быть вопрос о возможностях? В российском общественном сознании только и занимаются сейчас, что применением западных методологий, своих-то - в связи с засильем псевдомарксизма - кот наплакал. Что касается границ - это вопрос! Одна из границ, например, выработка своей системы понятий. Когда мы начинаем "рубить" нашу жизнь западными "сексизмом", "правами женщины", тем же "феминизмом", "женским вопросом", "дискриминацией" мы, на самом деле, прячем проблемы, "закрываем" их как на макро-(политика, экономика, семья), так и особенно на микро-уровне экзистенциального существования людей, где собственно и формируется феномен половой идентичности.

С. Ушакин: ГенИс в России - это, прежде всего, "переводной" проект, потому его достижения здесь связаны в основном с этим - т.е. с попыткой сделать каноническую феминистскую литературу "Запада" (восточных текстов практически не переводится, насколько мне известно) доступной русскоязычному читателю. Качество этих переводов - тема отдельной дискуссии. Лишенные собственной языковой среды, по-русски эти тексты не "звучат", точнее - звучат плохо. Что, в общем-то, понятно - ни терминология, ни аргументы ещё не выговорены, не закреплены в речи и продолжают оставаться пока "конструктами", своеобразным "Лего" для взрослых. При всех их недостатках, важность появления русских версий этих книг - от Батлер до Кристе-

вой - мне кажется, в том, что они расширяют и спектр обсуждаемых вопросов, и репертуар форм этого обсуждения. Стилистические или терминологические неудачи переводчиков со временем "поправит" практика. Важно то, что эти переводы позволяют увидеть "сопротивление материала", то есть - осознать "стыковки" и "нестыковки" с собственной академической практикой текстов, рожденных в других дискурсивных традициях.

Проблема "перевода" западных методологий - это всегда проблема их адаптации. Иллюзии того, что новое знание само по себе изменит ситуацию - и в обществе и в академической среде - во многом уже прошли. Осталось общее понимание того, что отсутствует необходимый "интерфейс", необходимый "посредник" между западными концепциями и российским опытом. Ситуацию во многом осложняет наличие так называемых "концептуальных омонимов" - терминов, "сходных" по звучанию, но обозначающих разные реалии. Например - деление на "частное" ("приватное") и "публичное" является принципиальным как для западных форм феминистского анализа, так и для отечественных исследований. Но насколько соотносимо (пост)советское "частное" с "частным" либерального общества? "Взаимопереводимы" ли эти "частные" практики? Таким образом, вопрос о западных методологиях - это, прежде всего, вопрос об этнографии методологических практик, т.е. вопрос о тех контекстах, в которые "попадают" и/ли в которые "вписываются" новые теории. Безусловно, "реакцию" этого контекста можно и не замечать и продолжать академическое существование в состоянии блестящей (само-)изоляции. В этом отношении любопытна эволюция журнала "Гендерные исследования". В отличие, например, от таких - структурно сходных по своему происхождению - журналов, как "Логос" или "НЛО", "Гендерные исследования", судя по своим последним выпускам, стали стремительно менять свою жанровую принадлежность. Критическая и аналитическая направленность журнала всё больше оказывается в тени его "публикаторской" деятельности, превращая "Гендерные исследования" в своеобразную версию "реферативных" журналов Института по общественным наукам времен позднего социализма. Как и в советское время, ограниченное число авторов и ограниченные возможности собственных исследований восполняются при помощи переводов зарубежных текстов, а также обзоров и рецензий опубликованных книг. Бесспорно, консолидирующую, "накопительную" и дидактическую функции, которые выполняют "Гендерные исследования" на постсоветском пространстве, сложно переоценить. Без этого журнала мы вряд ли бы обсуждали сегодня перспективы ГенИс. Но очевидно и то, что такая пропедевтика для посвященных пока не в состоянии превратить ГенИс в область повышенного интереса среди исследователей-обществоведов. Иными словами, редакторская политика "Гендерных исследований" - это симптом всё той же общей проблемы - проблемы отсутствия либо навыка,

либо интереса к артикуляции дистанции между *собственной* позицией и переведённым текстом.

М. Муравьева: Меня всегда волновал вопрос о том, существуют ли "западные методологии" как нечто единое, что влечет за собой некое идеологическое влияние на "наши", "русские" методы познания? Не хотелось бы подходить к этому вопросу в таком контексте. Методологии бывают разные, плохие и хорошие, качественные и некачественные, и каждая/ый исследовательница/тель должна/ен знать о существующих методологиях, но лишь для того, чтобы формировать свою собственную, с учетом контекста и специфики изучаемого предмета. Бывает еще и отсутствие всякой методологии, что часто встречается в российских гендерных исследованиях, это гораздо хуже, чем наличие "западной" методологии. Не нужно путать методологию и идеологию, не нужно ставить вопрос о том, должны ли мы делать "как они" или "как мы" - это признак колониального мышления. Методология есть индивидуальное дело каждой/ого конкретной/ого исследовательницы/теля, если исследовательница/тель предпочитает пользоваться уже имеющейся методологией, это ее/его личное дело. Дело коллег - осуществить рефлексии и критику. В процессе обмена мнениями и "переговоров" проверяется валидность предложенного и в зависимости от гибкости исследовательницы/теля происходит корректирование, изменение, пересмотр и т.д.

3) Выставка достижений и вызовов

Е. Гапова: ГИ для многих в нашей части света "открыли" тело, сексуальность, идентичность, "неприличное", желание, удовольствие как великие проблемы современности. Слово "гендер" было подхвачено в начале 1990-х определенным кругом образованных женщин (не самых угнетенных, а, наоборот, в какой-то степени привилегированных), потому что оно отвечало некоторым anxieties - тревогам, тревожным вопросам именно этой группы, давая имя тексту нашего личного опыта. В определенном смысле "гендер" - как способ осмысления себя и общества - был ответом на вопрос о том, что происходило с нами помимо и вне нашей воли (мы являлись - и являемся - участницами огромного социального сдвига, а "гендер" был тем первым словом, которое помогало мысленно структурировать социальную реальность и помещать себя и других в некоторые группы). Вместе с тем, "гендер" (т.е. сообщество людей, которые тогда знали, что это такое) вовлекал нас в ту самую деятельность и образ жизни, которые формируют восприятие окружающего и отношение к нему. "Гендер" был связан с новыми формами общения, встречами с другими людьми.

ми, знакомством с другими текстами (и созданием этих текстов на своем языке), с чувством солидарности и некой общей "тайны" или, скорее, сакрального знания, т.е. с производством субъектности. Мишель Фуко в одном из своих интервью говорил, что с грустью вспоминает времена, когда гомосексуальность была под запретом и те, кто ее практиковал, как бы принадлежали к тайному сообществу, поддерживали друг друга, были связаны "общим делом", если можно так выразиться. "Гендер" вначале, когда он только появился у нас, был чем-то подобным.

Сейчас эта "масонская ложа" несколько видоизменилась, т.к. ее символический капитал частично послужил основой для новой иерархии статусов. Есть "феминистская номенклатура" (и в "академии", и в активизме), которая занята "женским вопросом" по долгу службы и плохо представляет на самом деле, что это такое, и есть люди (в том числе среди номенклатуры), для которых гендер - это судьба. Они не могут "этого" не делать (есть фраза: "можешь не писать - не пиши" - так вот не могут). Своими жизнями эти люди пытаются писать наш общий текст, осмысляя и проговаривая (по-русски - впервые) женский опыт (в его отличии от навязываемого нам "общечеловеческого").

Г. Брандт: Достижения есть - серьезный, академический журнал "ГИС" Харьковского центра, их же двухтомник. Работы Минского центра, Саратовского, Тверского, Самарского и др., связанных с интересными публикациями, где происходит плодотворное применение западных технологий исследования к постсоветской действительности, воспитание там же молодых ученых (мне на отзыв нередко присылают очень интересные - "свежие" - рефераты канд. диссертаций, один из последних примеров - Греченковой Т.И. из Саратова «Социальный возраст материнства»), организация семинаров, школ, конференций (сентябрьская в Твери - тому пример). Жаль только, что до сих пор ощущается герметичность ГИС. Гендерный раздел в ОНС - замечательно, работы гендерных социологов в СОЦИСе - отлично, антропологов и искусствоведов - в НЛО - здорово, но узок пока круг этих революционеров на страницах широких научных изданий.

О. Рябов: Достижений много - центры, конференции, школы, диссертации. И все же главное богатство ГИ - это люди, которым данная проблематика интересна и которые будут ей заниматься и тогда, когда нынешняя, несколько неестественная волна ажиотажного спроса "на гендер" спадет. Вызовов тоже немало, остановлюсь на некоторых. 1. Отсутствие оргструктур, пусть и очень "мягких", которые, тем не менее, способствовали бы более быстрому и эффективному обмену информацией и заставили бы приверженцев гендерного сообщества из различных и независимых друг от друга центров следовать нормам научной этики и этикета (пока, к сожалению, оно нередко заставляет вспом-

нить "Воронью слободку"). 2. Изоляция от академического сообщества. 3. Негативный имидж (его составляющие, думаю, известны). Нужна работа над "брендом" ГИ.

М. Муравьева: За последние 15 лет удалось создать хотя бы круг исследовательниц (реже -телей), кто способен самостоятельно вести работу в области гендерных/женских/феминистских исследований, тем не менее, основной "вызов" - вызов общественному сознанию - гендерными исследованиями принят не был, хотя попытки в этой области были предприняты.

Н. Блохина: Безусловно, 15 лет существования ГИ в России были очень плодотворны. Такие результаты связаны как с пропагандой западных достижений, так и с оригинальными разработками ведущих гендеристок(ов) нашей страны. Имена их хорошо известны, и многие являются участниками данного "круглого стола". Очевидны и "вызовы", которые бросает академическому гендерному сообществу состояние российского общества и развитие гендерных исследований в нашей стране. Я бы особо отметила следующее. Необходимо отходить от изучения гендерных проблем исключительно силами гуманитарных и общественных дисциплин. Исследование пола должно носить комплексный характер, то есть для его изучения должны быть задействованы силы учёных и из области естествознания. Иначе изучение и интерпретация достижений биологии, генетики, эволюционной психологии, эволюционной эпистемологии и т.п. останется в компетенции исследователей с андроцентристскими, а чаще всего с патриархатными установками. Я присоединяюсь к мнению Джоан Скотт, которая убеждена в необходимости более глубокого анализа биологических предпосылок различия полов, поскольку такая стратегия ГИ позволит работать "на опережение" с аргументами сторонников биологического детерминизма, самим выдвигать гипотезы интерпретации гендерных различий, а не взваливать на себя "бремя доказывания", что гендерная асимметрия предопределена природными различиями полов. Одновременно это повысит авторитет гендерных исследований среди академического сообщества, сделает их более уважаемыми, поскольку естественные науки считаются менее идеологизированными.

С. Ушакин: Достижения, как уже говорилось, связаны с тем, что ГенИс в России - это прежде всего переводной проект. Собственно, с этим же и связаны вызовы - с попыткой осознать степень "воспроизводимости" западных моделей и парадигм на нашей почве. Приведу лишь один пример - идея "советского гендерного контракта", которую используют для описания практик отношений между полами в Советском Союзе. Происхождение "контрактного"

подхода понятно и очевидно. Вопрос в том - насколько эта попытка распространить идеи общественного договора на сферу отношений между полами "сопрягается" с системой общественных отношений, господствующих в Советском Союзе в целом. Насколько удачна "правовая" метафора для концептуализации отношений в обществе, где правовые отношения предполагают (точнее - предполагали) не столько примат индивидуальных прав (обязательных для контракта), сколько систему взаимных групповых и институциональных обязательств? Насколько "советский гендерный контракт" учитывает и собственную историю, и генеалогию термина? Сформулирую чуть иначе - основная проблема ГенИс в России - это проблема, так сказать, историзации этого подхода, проблема культивирования его "исторической" чувствительности к тому опыту, к тем формам артикуляции и осмысления опыта, которые уже сложились в общественных дисциплинах. Иначе, ГенИс так и будет оставаться своеобразным академическим эсперанто - языком без собственной культурной среды, языком без собственного "носителя".

Если же абстрагироваться от "переводной" природы "нашего гендера", то, естественно, нельзя не заметить, что в последние годы появилось значительное число людей, которые заинтересованы в серьезной аналитике проблематики пола. Узок круг этих "революционеров", и нет у них уже того «запала» неофитов, который отличал "первопроходцев" ГенИс в начале 1990-х гг. Может, вот из такого, спокойного и взвешенного подхода, сочетающего знание "западных методов", "отечественных традиций" и собственного "опыта", со временем и оформится новая область знания.

М. Литовская: За прошедшие годы ГИС сложились как дисциплина. Внутри сообщества возникло если не единодушие, то хотя бы нормальные условия для коммуникации. Есть исследовательские центры, переводы, журналы, монографии и т.п. Слово "гендер" разучили более или менее широкие академические массы, и, хотя большинство русскоязычных компьютеров по-прежнему упорно предлагают исправить "гендер" на "тендер", оно стало узнаваемым.

Вообще для пятнадцати лет это немало. Но, обращаясь к новой методологии, ее адепты рассчитывали на интеллектуальный переворот. Им хотелось революции в сознании, тем более что западная история демонстрировала возможность существенного изменения в положении женщин / мужчин и в отношениях между ними. Да и в России иногда ожидаемый переворот происходил в сознании отдельно взятых людей.

Но революция в нашей стране очевидно не произошла в сколько-нибудь массовом масштабе. Движение на шаг вправо - шаг влево от исследовательских центров показывают, что "вековая тишина" даже в вузовских аудиториях сохраняется, а если какие звуки и доносятся со стороны гендерно продвинуто-

го исследовательского сообщества, то встречаются достаточно активное, хотя порой и скрытое, сопротивление аудитории. Воспитание чувствительного к гендерным проблемам населения очевидно тормозится. Одним из способов организации сопротивления и торможения оказывается проявляющаяся все более отчетливо тенденция к дискредитации сделанного гендерными исследователями.

Даже сам предмет гендерных исследований либо подменяется, либо запутывается. Большинство журналистов и вузовских работников исходит из одного - чушь это, все ваши гендерные открытия. И апеллирует к одному - к "здравому смыслу и жизненной опытности" аудитории, то есть в конечном итоге к ее представлению об естественном, нормальном и правильном.

Вы утверждаете, что общество патриархатно? В ответ разворачивается поддерживаемая СМИ тема традиционной скрытой матриархатности российского общества. "За каждым мужчиной стоит женщина", "Муж - голова, жена - шея...". Во многих русских анекдотах о семье мужчина занимает место либо подкаблучника, либо такого мальчика-шалуна, которого периодически надо приводить в чувство, меняя только орудия управления: от скалки в руках до мобильного телефона. Оглянитесь, говорят аудитории, вокруг, женщины разумнее мужчин, потому они и не стремятся к первым ролям, в министры, скажем, или парламентарии. И так изо дня в день, с множеством примеров. Это импонирует женщинам - ведь именно они по идее должны быть наиболее чутки к рассказам о патриархатности - потакает их ролевым представлениям о самих себе. А то, что изображения женщин разной степени полу обнаженности сопровождают приглашения посетить что угодно - от компании по автострахованию до дня первокурсника - так это потому, что *все любят женщин, женщина — это красиво, мы хотим сделать рекламу приятной* (журналисты). Мы в одной лодке, повторяют на все лады, поэтому не надо ничего менять. Российское общество лихорадит постоянно, *у нас в обществе и так столько проблем, все настолько раздроблено, что только выпячивания гендерных конфликтов не хватает, чтобы еще и здесь всех друг другу противопоставить*, - как заметил в дискуссии о проблемах феминизации высшей школы декан естественного факультета вуза.

Фигуры реальных действующих в историческом процессе "раскачивающих лодку" лиц женского пола (от А. Коллонтай до И. Хакамады, от В. Засулич до шахидок) дополняются постоянно производимыми СМИ конструктами, сменяющимися и дополняющими друг друга. Образы «враждебного элемента» периодически меняются, и на сегодняшний день главным объектом, насколько я могу судить по состоянию издательского рынка нынешнего года (исхожу из эмпирической оценки регулярно посещаемых книжных магазинов), является женщина, которую еще недавно именовали феминисткой, а нынче она зовется стервой. С другой стороны, по-прежнему популярной в СМИ и публичных выс-

туплениях оказывается традиционная форма "самооправдания" женщин, объясняющих, например, почему они не желают публично исполнять первые роли. Эта тенденция к изображению *по-настоящему успешных женщин, ибо они живут в гармонии с миром и обществом* (заведующая отделом академического института) в противовес *несчастливым феминисткам* (постоянный эпитет многих респондентов), в частности, отчетливо проявляется в художественной литературе, в том числе и в так называемой женской прозе. На смену незаметным жертвам советского быта, счет которым открыла Н. Баранская в *Неделе как неделе*, пришли героини Марты Петровой, вошедшей в шорт-лист Букеровской премии 2004 года. "Валторна Шилклопера" - дневник женщины средних лет, которая легко и с удовольствием выполняет рутинные бытовые обязанности, и они не мешают ей успешно работать, ходить в концерты, любить ближних и волноваться за дальних. Подобные *спокойные* «женские» истории переполняют журналы и книги нон-фикшн: не стоит тратить единственную жизнь на борьбу за переделку мира, лучше принять изначальное распределение ролей, тем более что свой минимум прав женщины уже и так завоевали.

Аналогичные подмены происходят и с тезисами о борьбе за власть, внутренней конфликтности гендерных отношений и т.п. Сложно говорить о женщине или мужчине вообще, слишком ощутимы социальные, классовые, этнические, культурные различия между теми, кто биологически относится к одному полу, в итоге у женщин может быть куда больше общего с мужчинами, принадлежащими их кругу и профессии, нежели с их "сестрами" из других стран или социальных слоев. Это превращается в утверждение, что гендерные конфликты в профессиональной сфере отсутствуют, *мы здесь объединены не по половому признаку, а по признаку профессии, и у нас противоречий между мужчинами и женщинами нет* (журналист, заведующий отделом), *час мужчины-преподавателя всегда стоил у нас столько же, сколько час у женщины* (декан гуманитарного факультета). Очевидны также источники утверждений, что *гендерные исследования ведут для того, чтобы отобрать власть у мужчин* (доктор исторических наук, работающий в академическом институте), занимающиеся ими - не просто *агенты феминистского влияния* (ассистент вуза), но и *практические координаторы своеобразного заговора против мужчин* (преподаватель средней школы) и даже *виновницы демографического спада* (доцент вуза).

В обществе формируется *полоса глухой обороны* (декан гуманитарного факультета) вызовом, к которым приходят работающие в рамках гендерных исследований.

"академичными", "элитарными", "доступными всем", нужно ли

4) Как мы работаем над "созданием бренда" (должны ли ГИС стать "академичными", "элитарными", "двести" "массовую пропаганду" ГИС)

О. Рябов: Академическое знание может и должно быть редуцируемо до популярного - не нужно лишь подменять одно другим. И желательно избегать двух крайностей. 1) стремление расширяться до немислимых пределов, так как это неизбежно сказывается на качестве; уж очень велик у многих соблазн написать что-либо про женщин или мужчин - ведь все здесь так просто! 2) тенденция излагать несложные мысли очень сложным языком. Такая "научная феня", безусловно, впечатляет, но уж очень далеко отгоняет вполне симпатичных неофитов.

Г. Брандт: ГИС должны быть и академичными, и доступными всем. Только не элитарными. Какой смысл в элитарности, когда речь идет о "жизни и судьбе" каждого (поскольку нет человека, который не идентифицировал бы себя с тем или иным полом - пусть их хоть два, хоть семь, хоть квивир - это тоже идентификация, еще какая!)? Я печатаюсь в нашем "Вечернем Екатеринбурге", выступаю на местном телеканале, и выпустила вот вполне академическую книжку "Философская антропология феминизма", диссертацию докторскую защитила на эту же тему. Мне это и интересно в ГИС, что философия пола здесь не умозрительна, что она вырастает из болевой точки самой жизни, которую чувствуешь "кожей", а не только "зришь умом".

Е. Гапова: Масонской ложей, в которой хранится доступное лишь посвященным сакральное знание, ГИ быть, конечно, не должны. Если мы говорим об "академии" - должны быть исследовательской областью, интеллектуальное достоинство которой не подвергается сомнению. И хорошо бы, чтобы были журналисты-активисты-эссеисты-исследователи, способные привнести эти идеи в публичный дискурс, не убивая их провокационности. А еще построить мост, и чтобы купцы в лавках сидели...

Н. Блохина: Гендерные исследования в первую очередь должны быть научными (то есть академическими). Это гарантия их объективности, истинности, а, значит, и самооценности. Нужна и их массовая пропаганда, поскольку цель гендерных знаний в достижении социальной справедливости. Гендерные исследования имеют политическое и идеологическое значение. И тут, мне кажется, очень важным является использование эффективным методов пропаганды. В публичных дискуссиях, телевизионных ток-шоу аналитический стиль аргументации не всегда бывает выигрышным. Публика может отторгнуть

"умников". В связи с этим одним из направлений ГИ должна стать аргументация, в том числе, феминистская аргументация.

Н. Соколюк: Думается, что гендерные исследования на современном этапе развития России должны, в первую очередь, стать академическими (как философия или другие гуманитарные науки). Сегодня не во всех вузах, например, введена дисциплина "гендерология/феминология". А если и есть, то для ограниченного числа специальностей, например, для социальных работников. Этого недостаточно, чтобы дать людям знание о человеке под другим углом зрения.

Трансформационные процессы в России привели к изменению положения женщины и ее места в обществе и одновременно обострились противоречия в семейной сфере. Поэтому, как представляется, целью гендерного просвещения должно стать формирование человеческого сознания в русле равенства мужчины и женщины на основе их различия, а не стирание граней между полами или насильственное навязывание новых отношений между мужчиной и женщиной через массовую пропаганду, что вызывает лишь негативные эмоции и напряженность в отношениях полов. Если традиционные отношения вполне устраивают мужа и жену, стоит ли разрушать их гармонию, широко пропагандируя новые идеалы. В этом случае, думается, поучителен опыт и мудрость китайцев, которые, не разрушая идеологию, традиции, привычного стиля жизни, начали реформировать экономику и уже достигли потрясающих успехов. Не следует торопиться.

С. Ушакин: Я не думаю, что ГенИс нужно пропагандировать так же, как картошку при Екатерине. Но подход, так сказать, по принципу "очевидное-невероятное" тут бы не помешал. Нельзя же отдавать всё на откуп Маше Арбатовой. Нужны публикации, способные объяснить на языке, понятном специалисту, зачем это вообще нужно и почему это касается всех. То есть - почему "обыденные" и "повседневные" проблемы отношений между полами, на самом деле, оказываются областью и "запутанной", и "запущенной". И что могут дать "феминистские интервенции", скажем, для изменения воспитательных практик в дошкольных учреждениях, армии или вузе. Люди "потянутся" к ГенИс, как только они увидят, что к этому стоит "тянуться". Но для того, чтобы это произошло надо - для начала - попытаться отказаться от зубодробительной риторики "эссенциализмов".

Нужен и определённый момент само-рефлексии, определенное осознание того, зачем и ради чего мы как исследователи этим занимаемся. Что - кроме удовлетворения собственного любопытства - такие исследования могут дать "всем" остальным. На мой взгляд, вполне реальны два выхода, каждый из которых акцентирует роль социального контекста в процессе фор-

мирования дисциплины. Один из них связан с возвращением к феминистским истокам, то есть к осознанию того широкого спектра проблем, которые во времени, собственно, и оформились в виде ГенИс. Наряду с такой диахронической историзацией ГенИс возможна и их синхронная актуализация. В данном случае речь идёт о этнографизации ГенИс, то есть - о попытках вывести эти исследования за пределы "дурной бесконечности" репрезентаций, образов и дискурсивных стратегий для того, чтобы сконцентрироваться на анализе тех практик и форм организации жизни, которые складываются в отношениях реально существующих мужчин и женщин в данном месте и в данное время.

С. Коваленко: Прежде чем рассматривать проблему доступности, "массовой пропаганды" гендерных исследований необходимо уточнить само понятие "доступность". С одной стороны, можно рассматривать доступность в контексте научного сообщества. Иными словами, это возможность применения данных идей, методологии, методов, подхода в различных научных исследованиях. С другой стороны, доступность тех или иных исследований можно анализировать в контексте общества, так называемой широкой публики. И в том и в другом случае, доступность гендерных исследований выступает в виде неизбежной стадии развития исследований. При этом академичность является также обязательным этапом, предшествующим этапу доступности. Академичность, элитарность и доступность гендерных исследований следует рассматривать во взаимосвязи. Все противоречия, достоинства и недостатки, итоги и результаты академичных исследований становятся этапом доступности. На этапе доступности результаты исследований проходят своего рода верификацию.

Однако, если рассматривать проблему доступности гендерных идей широкой публике, не имеющей отношения к науке, то, на мой взгляд, в данном направлении нет особых перспектив. Причина кроется в полном отсутствии у большинства населения интереса к любого рода научным изысканиям. Научные исследования, какие бы категории не были в основе научного анализа - класс, этнос, гендер - не нуждаются в понимании широкой публикой.

Кроме того, постоянное использование понятия "гендер" в масс-медиа по поводу и без него приводит к спекулятивности и "перегибам". "Гендеризация" общественного сознания, принимающая тотальный характер, также как опасна как "гуманитаризация", "технизация", "компьютеризация" и т.д. в силу вытеснения альтернативных мнений.

Разговор о доступности гендерных исследований принимает другой оборот в том случае, если будет рассматриваться практическая (прикладная) сторона гендерных исследований. Использование подобных научных "продуктов", гендерных разработок в просветительской работе, в гендерном образовании, в деятельности кризисных центров и т.д., вне всяких сомнений, необходимо. Од-

нако в силу юного возраста российских гендерных исследований в настоящее время рано говорить о масштабных практических результатах.

М. Муравьева: Гендерные исследования, если хотят существовать, должны быть массовыми, ибо их основная цель заключается в перестройке общественного сознания. Академия обязана обеспечивать женское движение соответствующей теоретической базой, в этом смысл существования гендерных исследований. Гендерные исследования по сути своей элитарными быть не могут, а кто пытается их сделать таковыми, лишь дискредитирует идею. Женское движение и гендер в нашей стране часто не подозревают о существовании друг друга, что приводит к гендерным "междусобойчикам", которые мало пользы приносят не только практическому делу помощи реализации женщинами вроде бы гарантированных им равных прав, но не развивает и научный курс. Так что там, где гендерные исследования тесно сотрудничают с женским движением, результаты могут быть впечатляющими, там, где "феминизм" или "гендер" воспринимается как профессия (ушли из офиса и свободны) эта область знаний так и будет оставаться "страшно далекой от народа».

О. Шабурова: Для меня вопрос разделяется на два аспекта: Что значит для нас признание - стремиться к академичности и респектабельности нашей науки (ГИ) или все же у нас какие-то иные задачи? Каковы возможности и способы воздействия гендерных исследований на общественное сознание в целом. Первая проблема для меня тесно связана со второй. В ходе развития ГИ в России проблема гендерного образования стала одной из ведущих. Она получила достаточно широкое освещение и развитие (деятельность Женской сетевой программы института "Открытое общество" или, скажем, работа Ивановского центра гендерных исследований). Сегодня существует много интересных наработок в продвижении гендерного образования в высшей школе, ведутся серьезные разговоры по развитию гендерного образования в средней школе (правда здесь многое настораживает, эта форма гендерного образования требует очень качественной проработки и большой ответственности). В целом развитие гендерного образования через ступени общего образования путь понятный и правильный - современные поколения студентов "понесут свет" гендерного знания дальше и, быть может, смогут благодаря этому знанию гуманизировать социальные практики будущего. Здесь я бы отметила особую необходимость гендерного просвещения будущих чиновников и политиков, педагогов и журналистов, т.е. тех профессиональных групп, которые в большей степени влияют на общественное сознание.

Если же говорить о возможности "прагматизации" гендерных исследований в актуальном срезе (т.е. о том, что можно сделать здесь и сейчас), то я бы опять-таки подчеркнула необходимость работы со "специальными аудито-

риями" - чиновниками, политиками, работниками медиа всех уровней, по возможности - с представителями силовых структур и др. Опыт работы нашего центра с редакторами печатных СМИ Уральского региона был весьма полезен и для нас самих. Мы учились адаптировать результаты ГИ для этой аудитории, опробовали интересные новые практики, например, проведение гендерно-лингвистической экспертизы представленных на семинарах изданий. В таких формах особенно востребованы различные технологии перевода академического знания в практическое. Хотелось бы в этой области иметь возможность более широкого обмена опытом. В работе с такими аудиториями, как правило, возникает и проблема отношения к феминизму. Традиционно негативное восприятие феминистского дискурса в массовой среде можно также определенным образом "снимать" посредством очень кропотливой разъяснительной работы. Аудитория представляет феминизм как борьбу женского с мужским, не представляя общегуманистического пафоса феминистского дискурса. Здесь часто приходится показывать, что защиты от дискурсов насилия требует и мужское, и что чаще всего эта "защита" представлена феминистскими теориями и практиками, а в наиболее развернутом виде - гендерными исследованиями. Поскольку гендерные исследования "работают" на утверждение нового гуманитарного стандарта для России, вступая тем самым на идеологическое поле, трудно рассчитывать на то самое "признание и респектабельность", о которых возник разговор в дискуссии. По сути надо признать, что у ГИ есть миссия, а значит по-прежнему будет сохраняться сопротивление и властной, и академической среды. На этом фоне разговор об отношениях внутри гендерного сообщества в разрезе "элита" и "неофиты" не очень уместен. Междисциплинарный диалог открывает путь в это исследовательское поле многим, и это хорошо. Плохи спекуляции и "коммерческий привкус", конъюнктурное использование рамки гендерных исследований. Вот здесь профессиональное гендерное сообщество может как-то противостоять "гендерной халтуре".

А. Вальке: Исходя из опыта моей учебы в России в 2000-2001 гг., я могу сделать некоторые наблюдения "человека со стороны". Как я поняла, в основных курсах русских университетов (до диплома) есть только отдельные, единичные семинары по гендерным исследованиям. Правда, в основном это происходит в таком виде, что обсуждаются "женские" темы (или "женский вопрос") или половые различия, и понятие "пол" используется в качестве эссенциалистской категории. Большинство же преподавателей вообще не используют "гендер" или "пол" как аналитические категории.

С другой стороны, есть многочисленные институты или центры в России, посвященные гендерным исследованиям, где занимаются темой на высоком уровне - там обсуждают и развивают теоретические и методологические воп-

росы, работают в контакте или кооперации с зарубежными учреждениями. Но курсы этих центров/институтов в основном направлены на студентов, которые закончили учёбу и стараются специализироваться в сфере гендерных исследований и/или находятся в аспирантуре. Получается, что есть какой-то изолированный кружок "взрослых" гендеристок/ов, но ни о них самих, ни об их занятиях большинство студентов ничего не знает. А студенты - это именно те, с кем надо работать, чтобы изменить гендерное неравенство и чтобы поставить под вопрос (не только российский) патриархальный порядок.

То есть, важно наведение мостов между исследованием и обучением, осмысленное закрепление результатов актуальных гендерных исследований в вузовских учебных программах. Это очень долгий и сложный процесс, как можно видеть на примере Германии. В последние годы широко распространился и получил поддержку с разных сторон концепт "гендер мейнстриминг". Несмотря на то, что он подвергается со стороны феминисток в общем-то обоснованной критике, я все же хочу поставить вопрос, не может ли концепт "гендер мейнстриминг" стать содержательной базой для интеграции гендерных исследований в вузовские программы. Если иметь в виду то, что в русском обществе патриархальный порядок еще очень силен, что видно, как в повседневной одежде, манерах, так и на высшем политическом уровне, распространение гендерной чувствительности и знание основных гендерных концепций было бы в высшей степени важным делом

Л. Рыгина: Мне кажется, что вопрос все еще заключается не в том, "должны ли ГИС стать академическими", но могут ли они таковыми стать, будут ли они наконец, приняты и легитимированы академией в истинной, а не в псевдогендерной форме, как теперь - скорее в угоду современной интеллектуальной моде.

Есть сомнения по поводу «элитарности», которая пока более напоминает сепарацию, опасную перспективой геттоизации. Истории известны эффекты подобных процессов, в том числе из практики женского движения (так можно вспомнить неоднозначность реального статуса Комитета CEDAW при ООН).

Специальные гендерные секции на конференциях и форумах - это хорошо с одной стороны. Но, с другой, как мне видится, приводит к все большей (само)изоляции гендерного сообщества. Комфортно и приятно вести диалог с коллегами, которые в "теме", много труднее донести свои идеи до аудитории неподготовленной. Но ведь именно от этих людей часто зависит судьба тех или иных решений, затрагивающих интересы и гендерных исследователей в том числе (начиная с грантовой политики и заканчивая политикой социальной). Поэтому лично у меня сложилось убеждение в необходимости более широкого и компетентного гендерного просвещения. Не пропаганды, но распространения и широкого обсуждения наработок и идей гендерного подхода среди ученых, по-

литиков, общественных деятелей, преподавателей, журналистов. Категорически не могу согласиться с высказанным на семинаре мнением, что возможно просто и мирно жить своей научной жизнью, вести исследовательскую работу и обсуждать в сложившемся кругу коллег интересующие вопросы. Такая стратегия не обеспечит воспроизводства гендерного сообщества.

Требуется постоянное рекрутирование, обучение и переобучение молодых исследователей. Прежде эту функцию брали Центры гендерных исследований, но последнее время грантовые программы обучающих семинаров и летних школ, кажется, сворачиваются. Что будет дальше, не очень ясно. Когда пройдет мода на гендер, кто будет читать наши книги? Кто возьмется их печатать в достаточном количестве? В Саратове есть только один книжный магазин, где для гендерной литературы выделено специальное место на полке. Продавец, который является и снабженцем, и хозяином этого заведения, говорит, что гендер теперь не популярен, возить его не выгодно. Было время, когда эти книги шли, как горячие пирожки, но вот уже два года, как бум прошел, интерес читателей переместился на другие темы. Что делать - таковы законы рынка. И ученые тоже включены в эти процессы. Не будет средств - не будет качественных исследований, возможностей научной коммуникации и подготовки новых специалистов. А финансы, кажется, скоро можно будет получить только от государства. Потому важно публичное позиционирование, обозначение значимости для общественных нужд работы, проводимой гендеристами, нужны позиции в официальных структурах, позволяющие лоббировать интересы гендерного сообщества, *нужен, наконец, сильный профессиональный союз.*

М. Литовская: В последнее время все более явным становится стремление популяризовать результаты гендерных исследований.

Но эта популяризация сталкивается с рядом пока непреодолимых сложностей. Немало сложностей для адекватного восприятия создает существующая в России до сего дня "закрытость" в публичном разговоре о вопросах тела и пола, проявляющаяся, в частности, в неготовности найти общеупотребительный язык для подобных обсуждений. Отсутствие синонимических рядов, которые могли бы одну и ту же мысль адаптировать применительно к разным уровням подготовки воспринимающих, лишают исследователей возможности популярно, но глубоко говорить о результатах своих и чужих исследований. Лингвистическое зияние порождает замалчивание, насмешки или - из-за отчетливо ощущаемой занимательности предмета - агрессию по отношению к "посвященным".

Но для разговора с широкой аудиторией нужны особый язык, желание, время наконец. Далеко не все даже успешные исследователи обладают этим, и нет смысла кидать в них за это камни. Но приходится отдавать себе отчет в том, что определение пределов и преград предполагает наличие некоего про-

странства, окруженного более или менее активной окружающей средой. И одну из границ между своими исследованиями и изучаемой ими социокультурной средой проводят сами трансляторы результатов гендерных исследований, исключая (или по каким-то причинам не создав) популяризаторскую сеть, рассчитанную на различные аудитории, в том числе и самые широкие. Передача знания "по секрету" локальна и несистематична, агрессивные нападки на "невежество" аудитории не прибавляют сторонников, "птичий язык", во многом задаваемый недобросовестными переводчиками, вряд ли может полноценно конкурировать с веками отработываемыми формами повсеместно распространенного бытового сексизма.

Легче о сложном говорить сложно. Любые, тем более революционные идеи, нуждаются в многократном повторении. Аудитория захвачена другими идеями? Значит, надо воздействовать на аудиторию, воздействующую на аудитории - журналистов и педагогов. Аудитория слабо подготовлена к постижению истории феминизма или сложных теоретических проблем? Значит, нужно их адаптировать, сводить до уровня: Мир - народам; Еда - это часть культуры; Голосуй - или проиграешь. Можно четыре часа рассказывать учительницам про перформативность гендера, чтобы на выходе услышать: *Как в опере, ни слова не понять, но красиво*. С одной стороны - вот она, перформативность в действии. А с другой - толку ноль. Но тема такова, что аудиторию можно поймать на интерес. Приходят послушать, поудивляться, посмеяться, поохать. Если наступает момент узнавания - слава Богу. Человек "с улицы" не сразу понимает, о чем идет речь: непривычна терминология, незнакома логика рассуждений, странны для непосвященного методики анализа того или иного явления. Единственная возможность пробиться - не презирать, а объяснять. Тоже апеллируя к здравому смыслу и жизненной опытности.

Пока о терминологических нюансах доругиваются специалисты, тематизируя и проблематизируя, углубляя и уточняя, стоит, если мы хотим жить в обществе хотя бы немного менее конфликтном, подумать о прагматическом использовании знания. Как показывает история, прежде чем получить жидкость для снятия лака, надо сначала вывести формулу кетона алифатического ряда. Гендерные исследования эту стадию выведения формулы, видимо, уже прошли. Любая научная революция потому и революция, что предполагает тиражирование своих идей, превращение их в приемлемый для широких слоев общества продукт. Когда человек (в идеале каждый) начинает понимать, как система в общем работает, когда ему предложены методики для обращения с типовым и несложная операционная система для освоения новых объектов. Когда тысячи матерей и воспитательниц начинают выполнять новые инструкции и вместо "Перестань плакать, ты же мальчик", начинают говорить: "Тебе больно? Поплачь - и станет легче".

В 1968 году Лесли Фидлер призывал уничтожать преграды и засыпать рвы между элитарным и массовым искусством. Время он для этого выбрал подходящее, аудиторию тоже - журнала "Плейбой". Неизвестно, прислушался ли мир именно к его призыву, но рвы стали засыпать. В итоге мы имеем новое искусство. Если же сознательно отгораживаться от действительности, уклоняясь от производства массового продукта, если не собираться захватывать банки, мосты и телеграфы, а только красиво подхватывать знамя из рук западных феминисток, то благородная, но, наш взгляд, малопродуктивная роль вопиющего о своей прозорливости и наблюдательности среди враждебного окружения обеспечена. Если мы не хотим "засыпать рвы" или хотя бы прокладывать ходы через созданные обеими сторонами линии обороны, то так и будем жить, слушая шуточки типа: *До сорока лет женщина активно занимается сексом, а потом гендером*, и недоуменные вопросы: *Зачем вам гендер? Вы же замужем*. И дочери наши будут это слушать. И внуки.

Светлана Шакирова: О гендерных исследованиях в Казахстане и Центральной Азии сегодня

«Гендер» или «гендерные исследования»?

Считается, что гендерные исследования пришли в Казахстан и Центральную Азию одновременно с понятием гендер, то есть в начале/середине 90-ых годов. Процесс этот, собственно, ничем не отличался от вхождения «гендера» в других местах пост-СССР: женское движение, восприняв идеи ООН и западного феминизма, усвоило новое слово как эвфемизм равенства полов и всего, что «про женщин» или, в лучшем случае, «про женщин и мужчин». Конечно, это способствовало его популяризации, но нам еще долго придется работать с эффектами неверной коннотации. Пожалуй, самый простой и безобидный из них - это расширительное понимание гендера, замена им *пола, половых различий, различий по полу* (в статистике и социологии). Я всегда разделяла критический пафос С. Ушакина о бездумном использовании импортированной категории, но до последнего времени казалось, что его никто не слышит. К моей радости, в последние годы появились аналогичные высказывания у Г. Брандт, Т. Дашковой, Г. Зверевой, значит, «гендеризация» социальных и гуманитарных областей приняла, действительно, угрожающий характер и может привести к абберациям методологии ГИ, воспроизводству неверно понятой теории.

По выражению Г. Брандт, «все самые невинные в гендерном отношении демографические исследования сразу оказываются "гендерными", и традиционные филологические темы типа "Тема страсти в лирике Цветаевой 1920-х

годов" или "Лирика Анны Ахматовой: штрихи к портрету героя ". . записываются туда же». Для интереса я просмотрела несколько сборников по ГИ, изданных в СНГ, чтобы оценить, насколько далеко зашел процесс. Однако, на деле «страшных» терминологических злоупотреблений не так много, в текстах по социологии, политологии, экономике гендер, как бы он ни подавался, еще воспринимается, но в гуманитарных науках чужеродность методологии демонстрируется особенно выпукло. Например, в литературоведческих статьях этот термин особенно бездомен и сиротлив: «Проблема гендера и женской любви в древнерусской литературе», «Отражение гендерных проблем в трилогии Дж. Икрами «12 ворот Бухары», «Гендерный облик правителя в одописи М.В. Ломоносова» и т.п. Эта методологическая неразбериха, как мы знаем, возникла во многом от смешения практических подходов международных организаций, от неразрывной связи ГИ и женского активизма. Выражение «заниматься гендером» воспринимается как вполне обычное, под этим зонтиком мирно уживаются и борьба с насилием, и проекты по бедности, и женское лидерство, и учебные курсы в вузах.

«Эпистемологический туман» или «методологическая всеядность»?

В последнее время идут дебаты о «методологической всеядности» отечественных ГИ, раздаются резонные призывы в теоретических работах более явно обнажать свои эпистемологические корни, четче прописывать концептуальный базис своих разработок. Это, действительно, очень важно. Нередко в одну корзину сбрасываются противоположные или не усвоенные теории и концепции. Это хорошо видно в авторефератах и диссертациях, где может получиться, что «методологической и теоретической основой исследования являются известные парадигмы западной социологии общественных движений, в работе использован традиционный подход» - без уточнения, о каких парадигмах идет речь и что означает традиционный подход. (Нысанбаева А.М. Политические аспекты деятельности женских организаций Казахстана. Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2004, с.б.) Или еще проще: «теоретической основой диссертационного исследования служат работы зарубежных отечественных исследователей прав человека в целом и прав женщин в частности» (Андиржанова Г.А. Обеспечение социально-политических прав женщин: мировой опыт и Казахстан. Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2004, с. 7).

И тогда это уже не всеядность, а «эпистемологический туман» в голове исследователей.

«Теоретический уровень» vs. «сохранение национальной идентичности»

В общественных науках стран постсоветской Центральной Азии, в первую очередь, в Узбекистане, усвоение и использование современных западных теорий становится еще и политическим вопросом, когда забота о концептуальной ясности и адекватности сталкивается с прессингом официальной идеологии сохранения культурной идентичности перед лицом глобализации. В нашей сети этот вопрос поднимается участниками очень остро, но кроме сочувствия и советов оставаться преданными профессиональным ценностям, мы ничего им дать не можем. Вопрос о качестве и идеологической неангажированности ГИ в узбекском, туркменском, да и в таджикском, киргизском или казахском культурных контекстах остается открытым. Кроме того, многим исследователям в нашем регионе не хватает простой научной эрудиции, знаний, а доступ к новым изданиям и интернету затруднен удаленностью от Москвы, Петербурга, низкими доходами преподавателей и, не в последнюю очередь, большой учебной нагрузкой.

Диссертабельный гендер

Тем не менее, гендерная тематика стала очень диссертабельной. По моим неполным данным, в Казахстане с 1995 года защищено 15 кандидатских и 3 докторские диссертации о женщинах или гендерных отношениях. В Таджикистане в 2004 году защищены три кандидатские диссертации, в Кыргызстане их было несколько, в Узбекистане и Туркменистане диссертации о роли и положении женщин традиционно защищаются, но говорить о гендерном подходе там проблематично.

Если проанализировать список названий диссертаций, то можно увидеть, что наиболее восприимчивыми к ГИ являются социология и политология, другие науки - меньше. Однако меня беспокоит другое - мода на гендер не исключает снисходительно-патерналистское отношение к тематике, когда не те люди говорят не те вещи и не о том, но формально все выглядит пристойно.

Розы и шипы институализации

Преподавание ГИ в университетах также не без проблем. Введенные в конце 90-ых годов первые спецкурсы не везде смогли надежно закрепиться в учебных программах. Пожалуй, самый удачный пример в Казахстане - это шестилетняя непрерывная практика Назым Шеденовой по преподаванию ген-

дерной социологии в КазНУ им. аль-Фараби. Интересно не то, что курсы читаются уже во многих вузах, а то, что это никого не удивляет!

Не стану утверждать, что *все* преподаватели позиционируют себя феминистками. Это не так. Для некоторых ГИ - обычная область социологии или культурологии, связи с женским движением они не поддерживают и к феминизму равнодушны. Есть институции, например, Казахский Женский пединститут, которые ратуют за массовое «гендерное образование» любой ценой. Содержательная и идеологическая сторона такого обучения обычно не проблематизируется.

Касательно дилеммы *элитарности/массовости* ГИ, я думаю, что массовизация ГИ наступит у нас не скоро, и потому лучше направить усилия на качественный теоретический рост дисциплины. Этому способствует созданная нами Центрально-Азиатская сеть по гендерным исследованиям с ее ежедневным интенсивным информационным потоком и дискуссиями. Ее девиз: «Научить - нельзя, научиться - можно». Другая интерпретация этой древнекитайской мудрости: «Нет учителей. Есть ученики». Если вы не против, считайте это моим ответом на вопрос о возможностях применения западных методологий в нашем контексте.

Карин Сарсенов: С шведского берега

Поскольку вопрос задан по национальному принципу, уточняю: моя казахская фамилия - от мужа, сама я - шведка. Я начала наблюдать за российскими гендерными исследованиями в 1994 г. в связи с поступлением в аспирантуру Университета г. Лунда, Швеция, по теме «Современная русская женская литература». Я следила за публикациями: в основном это были сборники докладов междисциплинарных конференций и летних школ, которые с каждым годом становились все более и более специализированными. Информацию об их выходе я получала или через личные контакты, или через библиографическую службу AWSS.

В некоторых из этих сборников можно было найти взгляд на гендерные исследования как на «любое исследование, где изучают женщин». Как смешной пример такого толкования можно привести статью «Особенности роста и созревания женского организма в связи с занятиями прыжками в воду», опубликованную в сборнике «Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы» (сост. И.М. Семашко и А.Н. Седловская, 1999). Несмотря на такие юмористические аспекты, судя по названиям публикаций, русские гендерные исследования с каждым годом становятся все более зрелыми и многогранными. В качестве примера из собственного ограниченного опыта приведу

сборник «Женщина и визуальные знаки» (сост. Анна Альчук, 2000) и сборник «О муже(N)ственности» (2002) под редакцией Сергея Ушакина. По последнему сборнику видно, насколько плодотворно русские ученые сегодня работают совместно в основном с американской славистикой: многие из русских авторов преподают в американских университетах.

Если русские гендеристы успешно сотрудничают со славистами, то в области западных гендерных исследований русское присутствие меньше заметно. В 2003 г. я впервые видела, чтобы русский ученый был *key-note speaker* на международной гендерной конференции, когда Ирина Аристархова выступила на европейской феминистской конференции в г. Лунд. Несмотря на то, что организаторы конференции выразили желание пригласить как можно больше участников из бывшей Восточной Европы, недостаточное финансирование очень сильно ограничило число русскоговорящих. Если американские феминистки уже не могут провести конференцию или издавать сборник без присутствия ученых, которые в качестве их национальной или этнической принадлежности могут противостоять «белоцентризму», то, кажется, еще можно пренебрегать опытом восточноевропейских ученых. Понятие «не западный» или же «глобальный феминизм» чаще всего олицетворяется представителем бывшей западно-европейской колонии и гораздо реже активисткой из Мурманска. Видимо, играет роль западное ощущение вины перед бывшими колониями, и, к счастью, Россия еще не дала Западу возможности провиниться.

Сильно волнует слабая позиция женского движения в России. Если исходить из шведского примера, то только коллективными стараниями женщин можно придать гендерным исследованиям политическую легитимность, и заставить политических деятелей выделять деньги на такую, в принципе подрывную деятельность. Если верить сборнику Ирины Денежкиной «Дай мне!», настроения сегодняшней молодежи (вкратце: «ха-тфу») не сулят внезапного возникновения широкомасштабных общественных организаций. Но Швеция - не истина в конечной инстанции, и, если речь идет о финансировании, то русские славятся своим творческим подходом к этому делу.